

ОТЖИВАЮЩІЯ
ВЪ ЛИТЕРАТУРЪ ЯВЛЕНІЯ.

Prolegomena.

Когда то, - а именно тогда, когда намъ,
какъ всякому только-что поднимающему
голосъ направленію, еще

.... были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія

когда выходя на арену словесности
россійской, мы несли въ душѣ множество
надеждъ и между прочимъ, надежду на
скорое возстановленіе въ ней правильныхъ
отношеній критическаго сознанія къ
явленіямъ литературы, - готовы были даже
говорить съ Тютчевымъ:

Жди яснаго назавтра дня

мы завели у себя особую рубрику, хоть и необязательную, не постоянную, но все таки - болѣе или менѣе заявлявшую притязаніе на прочное существованіе - именно рубрику: «незамѣченныхъ нашей критикою явленій». Выборъ нашъ палъ съ перваго разу на явленіе вовсе не крупное, но во всякомъ случаѣ крайне несправедливо незамѣченное нашей тогдашней критикой - на рассказъ г. Н. Д. «Лѣсъ»; - потомъ на явленіе въ высшей степени важное въ литературѣ, на такое явленіе, которому, хоть и не въ цѣлости его - но въ отдѣльныхъ частяхъ суждено столь же долго, сколько и самой русской литературѣ, на «Псковитянку» покойнаго Мея - и наконецъ на дѣятельность уже безпорно очень крупнаго, перворазряднаго писателя, котораго однако критика наша условилась хвалить какъ-то огульно, не входя въ разборъ его существенныхъ достоинствъ и недостатковъ, міросозерцанія и манеры - на дѣятельность Л. Толстаго.

На томъ мы и остановились. Авторъ «Лѣса» написалъ послѣ «Воду» и еще кажется что-то: вещи уже вовсе незамѣчательныя и притомъ отзывавшіяся повтореніемъ «Лѣса» - стало-быть на первомъ шагѣ и остановился. Во всякомъ случаѣ, мы нисколько не раскаявались, что съ большимъ сочувствіемъ отнесли къ первой его вещи, потому что въ ней были задатки чего-то очень поэтическаго и хорошаго, а по нашему крайнему, какъ тогдашнему такъ равно и теперешнему разумѣнію, - прямое дѣло литературной критики - специальное, единственно даже важное ея дѣло - отмѣчать все хорошее, хотя бы даже въ его задаткахъ. Выйдетъ или нѣтъ изъ этихъ задатковъ что нибудь дальнѣйшее, это ужъ не ея забота. Авторъ означенныхъ статей - онъ же былъ и изобрѣтетелемъ рубрики незамѣченныхъ критикою явленій, - не раскаявается даже и въ томъ, что когда-то высказалъ свое сочувствіе къ сильнымъ задаткамъ лиризма, поразившимъ его въ г. Случевскомъ - ибо до сихъ поръ убѣжденъ - да и не одинъ, а

многіе съ нимъ втихомолку - что если были въ комъ дѣйствительные задатки дѣйствительнаго и яркаго лиризма, такъ это въ г. Случевскомъ. Онъ не раскаявается притомъ и въ самомъ азартѣ, съ которымъ высказалъ онъ такое свое сочувствіе, - ибо если г. Случевскій (о которомъ между прочимъ такъ и замолкъ слухъ въ литературѣ, развѣ только изрѣдко напомнить о немъ лай «Абличителей»), талантъ, - то рано или поздно оправдаетъ его ожиданія; если же онъ миражъ, то все-таки критикъ нисколько не виноватъ въ отношеніи къ его много обѣщавшимъ задаткамъ; если наконецъ даже и ошибся критикъ, то въ видѣ «облегчающихъ вину обстоятельствъ» онъ можетъ указать не на одно изъ своихъ дерзкихъ увлеченій - вполне оправдавшееся. И наконецъ, изобрѣтатель «допотопныхъ формацій» и рубрики «незамѣченныхъ критикою явленій» просто принадлежитъ къ числу нераскаянныхъ грѣшниковъ...

Второе явленіе, подошедшее подъ странную рубрику - было, какъ уже

сказано: «Псковитянка» Мея; за дерзость сочувствія къ ней, и критикъ и журналъ допустившій такую дерзость, разумѣется, были «воздѣланы» по достоинству въ теоретическомъ лагерѣ - замѣтьте, за дерзость одного только сочувствія: «стоитъ ли дескать говорить о Псковитянкѣ? - другое вотъ дѣло «Мининъ»... Буквально такъ: тамъ только что при словѣ Мининъ не прибавлено было для ясности дѣла: «потому, молъ, что онъ помѣщенъ у насъ.» - И хорошо что воздѣлавшій насъ столь крѣпкимъ и энергическимъ образомъ теоретикъ, по всей видимости, не прочелъ «воздѣлываемой» статьи. Вѣдь въ статьѣ - такъ таки нахально и дерзко - третій актъ «Псковитянки» ставится наравнѣ съ лучшими сценами «Бориса Годунова» т. е. съ капиталами словесности, и еслибъ вышелъ уже тогда «Мининъ» статья не усумнилась бы нисколько поставить третій и четвертый актъ драмы Мея «въ уровень съ Мининымъ» и съ его лучшими мѣстами... И между тѣмъ, авторъ статьи о «Псковитянкѣ» тоже нисколько не

раскаивается въ своей дерзости - ибо за эту его дерзость все, что только читаетъ «въ сурьезъ» - и на литературу смотритъ сурьезно, т. е. какъ на литературу. А вотъ въ чемъ онъ раскаивается, въ чемъ онъ виноватъ передъ памятью дорогого ему покойника, такъ это въ томъ, что до сихъ поръ не написалъ еще обстоятельной статьи о всей дѣятельности Мея....

Ну - въ статьяхъ о графѣ Л. Толстомъ ему кажется тоже раскаиваться нечего. Тутъ на его сторонѣ - даже и та часть читающаго люда, къ которой всякій «резонный» мыслитель относится съ тайнымъ, а всякій дерзкій мыслитель съ явнымъ презрѣніемъ - т. е. публика (не масса, не *sainte populace*), а публика, - кругъ читателей всего что пишется, отъ сочиненій Пушкина до романовъ и фельетоновъ Фаддея Булгарина, или, что все равно, до стихотвореній и фельетоновъ двухъ нашихъ головешекъ: «абличительно» - увеселительной и обскурантно назидательной.

Предстояло еще не мало отмѣтить литературныхъ явленій, незамѣченныхъ нашею критикой, лѣтъ десять уже ничего иного недѣлающей, какъ только жующей и смакующей пять умныхъ книжекъ, - предстояло бы конечно даже и въ будущемъ много подобныхъ задачъ, ибо есть не малая надежда, что критика будетъ лѣтъ пять жевать и смаковать еще шестую... Передъ многими - сказать къ чести литературы - явленіями за десять лѣтъ, осталась въ долгу смѣло поставленная рубрика журнала, который имѣлъ и имѣетъ самъ тоже дерзкія притязанія смотрѣть на литературу серьезно т. е. какъ на литературу... Но увы:

... бываютъ времена
Совсѣмъ особеннаго свойства,

бываютъ времена, когда какая хотите энергія утомляется безплодной борьбою, какая хотите вѣра въ положительныя стороны жизни - если не слабѣетъ, то на

время перестаетъ побуждать къ дѣятельности... а въ подобныя времена, въ которыя даже капитальныя литературныя силы, въ родѣ напимѣрь хотя бы г. Писемскаго, приносятъ «идоложертвенныя требы» потребностямъ минуты, и наша вѣчная скороспѣлая отзывчивость влечетъ всякія, и значительныя и незначительныя силы, то въ слѣпую реакцію то въ не менѣе слѣпыя странствованія по бѣлымъ Арапіямъ; - въ которыя наконецъ едва на двухъ-трехъ художниковъ, относящихся вполне честно къ своему дѣлу указать можно, - въ такія напряженныя времена, что ужь понапрасну отмѣчатъ незамѣчаемое!..

Изъ этого никакъ конечно не слѣдуетъ, чтобы мы отрекались отъ нашего убѣжденія въ значеніи многого незамѣченнаго и незамѣчаемаго, - а слѣдуетъ то только, что мы откладываемъ толкъ объ этомъ до будущаго времени. Мы по старому вѣримъ что

... благъ Господь: Онъ знаетъ срокъ

И вышлетъ утро на востокъ,

что придетъ это будущее, что оно даже не далеко - по крайней мѣрѣ несравненно ближе того будущаго, о которомъ мечтаютъ «съ заскокомъ» искатели и искательницы «бѣлой Арапіи». Ужь потому самому ближе нами желаемое будущее - что оно вовсе не утопія и никакого соединенія луны съ землею не предполагаетъ. Это просто время разъясненія и сознанія, время, когда спутавшіяся шашки стануть на свои мѣста, когда литература будетъ литературой, соціальная наука соціальной наукой и т. д. Что это будетъ непременно, въ этомъ едвали кто, кромѣ теоретиковъ, можетъ сомнѣваться, - ну, а очень ли близко или далеко такое время, - зависитъ это отъ порѣшенія весьма многихъ вопросовъ и въ особенности конечно отъ большаго и большаго, хотя конечно постепеннаго развитія разумной свободы слова.

Когда этотъ свѣтъ разсѣетъ таинственный нимбъ, за которымъ простодушные адепты и почтеннѣйшая публика подозрѣваютъ и

невѣсть какія важныя истины въ ученіи теоретиковъ - и когда, тоже при этомъ свѣтѣ, окончательно оскандалятся наши «Абличители» - тогда естественнымъ образомъ литература получитъ свое, ей самой, а не постороннимъ обстоятельствамъ присущее значеніе: явленія ея за неизвѣстную эпоху потребуютъ оцѣнки, за другую переоцѣнки и т. д. Дѣло совершенно простое и ясное.

А пока мы не только что не слѣдили и не слѣдимъ всѣхъ, литературныхъ фактовъ, но даже на примѣръ и насчетъ такихъ крупныхъ фактовъ, какъ «Мининъ» Островскаго - ни pro ни contra не высказались. Потому, мало кого это въ настоящую минуту интересуеетъ, т. е. не «Мининъ» или другія подобныя крупныя явленія литературы, - для которыхъ на Руси найдется многое множество охотниковъ и читателей, - а толки критики даже и о такихъ большихъ какъ «Мининъ» не то что ужъ о просто-порядочныхъ явленіяхъ, мало кого интересуютъ. Повторяемъ: все это, по убѣжденію нашему

только на время и до времени. Придетъ неминуемо часъ повѣрки и оцѣнки, даже перевѣрки и переоцѣнки литературной. Не нами такъ другими воздастся по заслугамъ всему, за чѣмъ есть какія либо заслуги: и литературнымъ фактамъ и литературнымъ направленіямъ и литературнымъ дѣятелямъ. Вѣдь читающая масса, - которой мы какъ-то привыкли мало придавать вообще значенія - читаетъ и читаетъ съ толкомъ и читаетъ не одни наши «абличенія» или мечты о бѣлыхъ Арапіяхъ. Вѣдь на нашихъ же глазахъ, лѣтъ въ пятнадцать какихъ нибудь, въ ней, въ этой читающей массѣ (опять таки только не въ публикѣ, Бога ради не въ публикѣ) - совершилось немало переворотовъ вкусовъ и мнѣній. Вѣдь на примѣръ, вы все таки теперь никого изъ серьезно-читающихъ людей не увѣрите, ни въ тѣхъ нелѣпостяхъ насчетъ славянофильства, которыя пренаивно печатались въ концѣ сороковыхъ и даже въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ... вѣдь уже теоріи хоть бы родоваго быта что ли, еслибъ они вздумали появиться теперь

заднимъ числомъ, встрѣчены были бы общимъ смѣхомъ; - вѣдь тоже - въ области литературы - немислимы больше скучныя, хоть и талантливыя «полежанія» Обломова; и тѣмъ менѣе еще мыслимы скучныя и уже совершенно безталанныя романы г-жи Евгениі Туръ... Ну, будемъ надѣяться - что черезъ какихъ нибудь пять-шесть лѣтъ, также смѣшны какъ теоріи родоваго быта, какъ возведенія въ боги пѣтуха, кочерги и ухвата, совершенныя нѣкогда во славу все того же родоваго быта г. Аѳанасьевымъ - будутъ фантазіи хохломановъ, отыскивающихъ въ Новгородѣ Малороссіи, вакхическій бредъ «поморныхъ» историковъ о расколѣ и проч. - будутъ такъ же немислимы не только повѣсти г. Леона Бранди, но даже и самый прототипъ ихъ - знаменитая эпопея о бѣлой Арапіи.

А покамѣсть, покамѣсть - мы займемся работою чисто отрицательною. Отрицаніе ужъ во первыхъ тѣмъ хорошо и выгодно что съ нимъ всегда всѣ согласны, а во вторыхъ и то, что оно никогда смѣшно быть не можетъ. Надъ первымъ, кто сказалъ

напримѣръ, что Гоголь - одинъ изъ величайшихъ художниковъ (это былъ Бѣлинскій) смѣялись, да еще какъ! Надъ первымъ же, кто произвелъ Пушкина въ поэты «побрякушекъ» - смѣяться не посмѣли. Размышленіе мосекъ Крылова:

Ай, Моська! Знать она сильна
Коль лаесть на слона.

постоянно руководить «публику». Мнѣ замѣтятъ можетъ быть, что не всегда же такъ; - что напримѣръ рецензентомъ хриплаго «Голоса», поставившимъ сухую и довольно-между нами сказать-пошлую компиляцію г. Галахова, извѣстную подъ именемъ исторіи русской словесности, - на ряду съ исторіей Карамзина - не смѣялись же - что вотъ дескать и похвалить черезъ мѣру («хватъ друга камнемъ въ лобъ») можно иногда совершенно безопасно для собственной чести и личности. То-то что иногда, надобно знать это: иногда; - надобно, главное, совѣтъ Тредьяковскаго хорошо помнить:

Держись черни,
А знай штуку.

А штука то вся въ томъ, что достойный рецензентъ «падая до ногъ» передъ компиляціей г. Галахова - намѣренно игнорировалъ честный трудъ, трудъ цѣлой жизни покойнаго Шевырева и очень хорошо понималъ пользу такого игнорированія въ настоящее время. Ну, а что тамъ въ будущемъ... Всѣ мѣщане, какъ вамъ извѣстно, говорятъ: *argis moi le deluge!*..

Во всякомъ случаѣ, отрицаніе выгодно и безопасно. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Послѣдуемъ же и мы духу времени, займемся отрицаніемъ...

Но прежде чѣмъ примемся за какую либо изъ будущихъ литературныхъ жертвъ такого выгоднаго и безопаснаго занятія, - авторъ этой статьи долженъ рассказать обстоятельство, подавшее ему первый поводъ къ сомнѣнію въ назначеніи положительной критической дѣятельности въ наше время.

Послѣднее явленіе, занесенное подъ старую рубрику «явленій незамѣченныхъ нашею критикою» была дѣятельность одного изъ самыхъ яркихъ и своеобразныхъ талантовъ современной литературы, графа Л. Толстаго. Статьи о немъ не имѣли конечно никакихъ претензій учить его или указывать ему его литературный путь - претензій вообще не свойственныхъ органической критикѣ, хотя соблазниться нѣкоторымъ учительствомъ было очень легко. Послѣ «Семейнаго счастья» Л. Толстой замолкъ довольно надолго какъ художникъ, - ударился даже въ «полезную» педагогическую дѣятельность, которая и выразилась въ изданіи «Ясной Поляны». Этою педагогическою дѣятельностію могъ онъ обмануть развѣ однихъ теоретиковъ. Для насъ она была только органически необходимымъ исходомъ крайне своеобразнаго и даже капризнаго таланта, который запутался въ анализѣ до психическихъ «чортиковъ» - до «Альберта» и «Трехъ смертей» и «Люцерна», до

невѣрія въ жизнь человека въ обществѣ, въ цивилизацію, и до пантеизма по рефлексіи. Намъ не удивило бы нисколько, если бы Л. Толстой выпустилъ въ свѣтъ нѣчто въ родѣ «Эмиля» Руссо или даже его *contrat social*; и въ его крайне интересныхъ, оригинально умныхъ и парадоксально капризныхъ статьяxъ въ «Ясной Полянѣ» - намъ чуюлось не безъ основаній только продолженіе психическаго момента, выразившагося въ его послѣднихъ до того времени произведеніяхъ.

Разсмотрѣніе этого момента завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону - и мы оставимъ его опять таки до будущаго времени. Дѣло въ томъ, что художникъ, т. е. выразитель жизни съ ея стремленіями и типами, въ Л. Толстомъ - какъ въ талантѣ настоящемъ, а не эфемерномъ взялъ все таки верхъ надъ аналитикомъ; и хотя міросозерцаніе его нисколько не расширилось, но мы вновь имѣли наслажденіе любоваться его мастерствомъ художественнымъ и въ «Казакахъ» и въ «Поликушкѣ». Мастерство все тоже что и

въ прежнихъ его произведеніяхъ: тонкость анализа и чутье человѣческой натуры все тѣ же - краски такія же (припомните - ну, хоть ночь - когда удавленникъ Поликушка смирно и смиренно виситъ себѣ на чердакѣ, а всѣ живые въ домѣ ходятъ подѣ какимъ-то зловѣщимъ вѣянїемъ). Однимъ словомъ - качества таланта все тѣ же что и были. Пожалуй что и движенія впередъ нѣтъ, - ни въ основномъ мотивѣ творчества, ибо герой «Казаковъ» - близкая родня и Нехлюдову и другимъ лицамъ, съ которыми, какъ съ основными мотивами анализа, привыкли мы встрѣчаться въ литературной дѣятельности писателя, - да ужъ за то нѣтъ и шага назадъ. Ну, - да вѣдь двигаются все впередъ и впередъ, осмысливаютъ все яснѣе и яснѣе окружающую жизнь только таланты гениальные, таланты съ такимъ своимъ словомъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть и слово цѣлаго періода, развитія цѣлаго цикла... Бываетъ притомъ въ другихъ такое насильственное движеніе впередъ, которое хуже всякихъ шаговъ назадъ. Какъ примется иногда

непрошенный - то просвѣтитель осмысливать жизнь въ ея напряженныя моменты, хотя напримѣръ Писемскій въ своемъ «Взбаламученномъ морѣ», - результаты дѣла взятаго не посылаемъ человѣкомъ, хоть и въ высшей степени талантливомъ, но не гениальномъ, окажутся діаметрально противоположны задачамъ, которыя имѣлись имъ въ виду.

Это чувство діаметральной противоположности задачъ, поставляемыхъ себѣ писателями, съ результатами, производимыми ихъ продуктами, - испытываешь какъ-то особенно часто въ настоящую минуту. Благодаря опять все тому же, уже названному нами свойству нашей скороспѣлой отзывчивости - мы не даемъ даже и разнымъ «маревамъ» окружающей насъ жизни устояться въ какіе нибудь опредѣленныя - не то что ужъ типическія, а просто опредѣленныя, распознаваемые очертанія, - а бухъ ихъ прямо на бумагу, съ безцеремонною беззастѣнчивостью суздальскаго живописанія... Ну и выходитъ всегда какъ

то такъ, что серьезно мыслящій человекъ - читая нашихъ «красныхъ» - становится на сторонѣ реакціонеровъ, а читая нашихъ реакціонеровъ - обращается въ совершеннѣйшаго скептика, въ отношеніи какъ къ той, такъ и къ другой сторонѣ. Результаты конечно полезные, - но согласитесь же, что діаметрально противоположные задачамъ писателей.

И такъ, только порадоваться въ сущности за Толстого можно было, что не дѣлая насильственныхъ шаговъ впередъ, онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, - глубокимъ, хоть и капризнымъ, но слишкомъ тонкимъ и вмѣстѣ яркимъ живописцемъ жизни. Притомъ же - такъ нова и свѣтла полоса жизни, изображенная имъ въ «Казакахъ», такъ вѣрна его рука и колоритна кисть въ ея изображеніи, такъ артистически-могущественно схвачены ея типы - что, какъ говорится, читаешь и не начитаешься...

Ну-съ, нашолся однако журналъ и нашолся писатель - оба крайне недовольные творчествомъ художника, даже нѣкоторымъ

образомъ обидѣвшіеся на это простое, крѣпкое, безпритязательное творчество.

И притомъ не въ лагерѣ «Теоретиковъ» - нѣтъ! - «Тушинскій станъ», какъ зоветъ ихъ въ шутку одинъ нашъ пріятель, видящій въ нашемъ теперешнемъ умственномъ, нравственномъ и литературномъ процесѣ повтореніе старой эпохи, - смолчалъ - потому собственно, что какое ему дѣло до художества?

Журналь, недовольный творчествомъ Толстого - читатель можетъ быть уже угадалъ. Старая руина сороковыхъ годовъ, храмъ покинутый давно уже духомъ, нѣкогда его одушевлявшимъ, и давно уже живущій только гальванически, несчастный органъ никому - тѣмъ паче самому ему, невѣдомаго направленія, - въ послѣднія времена, онъ сталъ болѣе извѣстенъ подъ именами «старухиныхъ записокъ» или «родительскихъ поминаній», чѣмъ подъ своимъ собственнымъ именемъ. Увеселялъ онъ себя съ тѣхъ поръ, какъ его покинулъ Бѣлинскій т. е. съ самага начала сороковыхъ годовъ, сначала печатаніемъ

«капитальныхъ статей» о русской литературѣ г. Галахова и иныхъ дѣятелей, о которыхъ всегда невольно какъ-то повторишь злые стихи Вольтера на счетъ аббата Трюбле:

Au peu d' esprit que le bonhomme avait,
L' esprit d' autrui par complement servait...
Il compilait, compilait, compilait...

Да для того чтобы угодить «духу времени и вкусу» - печатаніемъ «пѣтуховъ» и «очаговъ» г. Аѳанасьева, казавшихся ему, по извѣстному чутью его въ отношеніи къ духу времени, едвали не вѣрхомъ человѣческой премудрости. Вообще, - отсутствіе того, что называется чутьемъ и нюхомъ, чрезвычайно замѣчательно и было и есть и должно быть пребудетъ въ достопочтенномъ органѣ: по этому отсутствію, многіе до послѣдняго времени умозаключали даже объ отсутствіи у него какого либо голоса, кромѣ способнаго издавать не членораздѣленные звуки въ родѣ: ги! ги! и тому подобныхъ - и мы до

сихъ поръ еще не знаемъ, насколько появленіе газеты «Голось» разубѣдило этихъ многихъ. Во всякомъ случаѣ - тѣ несомнѣнно, что достопочтенный органъ, если и подымалъ когда голось, то крайне не впопадъ.. Сначала пятидесятихъ годовъ, онъ постоянно занимается, невиннымъ конечно, но вмѣстѣ и крайне скучнымъ дѣломъ: тыкаетъ пальцемъ въ небо. Уставши самъ отъ капитальныхъ статей разныхъ аббатовъ Трюбле и пресытившись «пѣтухами» г. Аѳанасьева - онъ, отъ нечего дѣлать принялся - съ усердіемъ и постоянствомъ достойными поистинѣ лучшей участи, за вражду со всѣми живыми и свѣжими силами литературы, - но увы! кто-то чрезвычайно ловко окрестилъ эту вражду сразу же именемъ «тупой», да тупа она оказалась и дѣйствительно, такъ тупа, что самъ же журналъ ругаль - ругаль Писемскаго, да потомъ и платилъ ему же не малая, по всей вѣроятности деньги, за помѣщеніе его произведеній... Не зная должно быть: «что дѣлать, что начать?» - онъ, этотъ маститый, но во что бы то ни

стало хотѣвшій и доселѣ хотящій жить Маѳусаиловы вѣка органъ - принялся за штуки блажной памяти Маяка: началъ сочинять свою литературу, въ пику той, новой и свѣжей, неимѣвшей несказаннаго счастья ему нравится; - ну и началъ онъ помѣщать по большей части такія отребья, которыя всѣми другими журналами были отвергнуты, - что и до сихъ поръ съ успѣхомъ продолжаетъ дѣлать. Въ немъ обрѣли себѣ пріютъ гг. Горовъ, Потѣхинъ junior, Ѳ. Устряловъ, авторы разныхъ драмъ и повѣстей изъ простонароднаго быта подъ названіями: «Горя-доля» «Лихая судьба», и т. д. - которыя горами наносятся въ каждую редакцію, мало мальски имѣющую порядочное количество подписчиковъ, и которыхъ, какъ содержаніе, такъ и форма - такъ уже казенно-обща, что редакторы и сотрудники, уполномочиваемые редакторами на просмотръ матеріаловъ, нюхаютъ въ нихъ обыкновенно только три страницы: первую, серединную и послѣднюю, - и за тѣмъ съ безжалостнымъ спокойствіемъ пишутъ

карандашомъ на заглавномъ листѣ известную формулу: «Возвр.» Но куда жъ имъ послѣ такихъ неблагопристойныхъ поступковъ разныхъ редакцій, - куда-жъ имъ, «горькимъ долямъ», дѣваться бѣднымъ, какъ не въ великодушно простирающей къ нимъ свои объятія приютъ «Старухиныхъ записокъ»? Органъ хочетъ во что бы то ни стало существовать - и стало быть, долженъ же чѣмъ нибудь наполняться. Иногда впрочемъ, онъ пытался показывать и другіе признаки существованія, кромѣ однихъ матеріальныхъ. Въ потѣ лица, съ нѣжною материнскою заботливостью курицы, высиживающей яйца - высиживалъ онъ глубокомысленные вопросы Кифа Мокіевичъ, вродѣ: «Народный ли поэтъ - Пушкинъ?.. - но самъ же скоро и забывалъ свой вопросъ, принимаясь корить Островскаго за его «Минина» - ненароднымъ Борисомъ Пушкина. Игривость мысли даже нѣкоторую пытался онъ показывать, - но и тутъ какъ то не оставляло его собственное ему

великодушіе: такъ онъ, игривости ради, и помѣстилъ, на примѣръ недавно повѣсть покойнаго Чернышева, въ которой нещадно и остроумно мѣтко продернуть и за игру и понятія объ искусствѣ одинъ изъ корифеевъ Россійской сцены, г. С**, но вслѣдъ затѣмъ великодушный журналъ въ той же книжкѣ воспѣлъ гимны россійскому Леметру г. Б**, - именно потому вѣроятно, что Леметра даже въ провинціяхъ не переваривали.

Ну, вотъ этотъ-то самый журналъ и обидѣлся крайне на послѣднее произведеніе графа Л. Толстаго, т. е. напечаталъ статью крайне обидѣвшагося на нихъ писателя.

Но еще смѣшнѣе представится намъ дѣло, когда мы познакоимъ васъ, тоже называя по имени, съ писателемъ, «вломившимся въ амбицію» на «Казаковъ» или по ихъ поводу.

Скажите прежде всего ради Бога - кому, читая эту мастерскую картину свѣжаго и оригинальнаго быта во всей его непосредственности, силѣ, красотѣ - и почти неизбѣжной съ такими отличительными качествами всего

типическаго въ жизни - грубости, - можетъ придти въ голову мысль, что для художника этотъ бытъ, который онъ взялъ какъ художникъ, есть нѣчто въ родѣ общественнаго и нравственнаго идеала, - и кому придетъ въ голову винить художника въ обскурантизмъ за то, что передъ этимъ органически-сложившимся крѣпкимъ и яркимъ, хоть и грубымъ бытомъ - стушовывается такъ сказать герой изъ другого, совершенно дѣланнаго, искусственнаго, миражнаго быта, случайно пришедшій съ нимъ, съ этимъ бытомъ въ столкновение... Ну, кому? скажите. Вѣдь такъ должно было быть, такъ непременно должно было быть и быть иначе не могло. Никто тутъ не виновать, тѣмъ менѣе виновать авторъ. Бытъ его поразили своей яркостью и особенностью, бытъ самъ ложился подъ кисть и уловляя его типы во всей ихъ простотѣ и мощи, - онъ, какъ художникъ, выполнялъ настоящую, существенную задачу художника...

Ну, вотъ авторъ статейки по поводу «Казаковъ», напечатанной въ

«Отечественныхъ запискахъ» - обидѣлся, да еще какъ обидѣлся-то, совсѣмъ по женски, выражаясь цивилизаціоннымъ слогомъ - и на то, что непосредственный и непосредственно изображенный быть могучъ въ своей замкнутости и особенности; и на то, что герой Толстаго - весь, какъ вообще его герои, съ одной стороны искалѣченный морально средою пустѣйшей великосвѣтской жизни, а съ другой - подорванный вѣчнымъ безсодержательнымъ анализомъ, - оказался крайне несостоятеленъ въ столкновеніи съ неподорвannoю жизнію. И какія это - авторъ яровой статьи - краснорѣчія пустиль насчотъ того, что онъ принялъ въ Толстомъ за тенденціи къ невѣжеству и грубости - и какъ это онъ, посему съ здравой точки зрѣнія неудобному поводу, просвѣщеніе отстаиваетъ - и какъ ужъ онъ героя-то за пустоту его каститъ - страхъ просто... Азартъ, просто азартъ и притомъ явно азартъ женскій, такой же неутомонный, съ какимъ во дни оны наша знаменитая писательница, г-жа Евгенія

Туръ, отстаивала свою независимость и цѣлость отъ злокачественныхъ, ужасныхъ и даже циническихъ покушеній на эту цѣлость редакторовъ «Русскаго Вѣстника».

Всяко - бываетъ. Пришло же вотъ въ голову автору статейки - опасеніе насчетъ цивилизаціи при чтеніи повѣсти Толстаго, - и такъ какъ цивилизація давно уже принята этимъ авторомъ подъ защиту и покровительство, то и понятное, пожалуй, дѣло что онъ такъ и ловить случай защищать ее - бѣдную, отъ разныхъ грезящихся ему враговъ. Равно понятно кажется и то, что не имѣя болѣе подъ руками - органа цивилизаціи и «женскаго ума» - покойной Русской Рѣчи, опекунь цивилизаціи и бросился въ объятія «Старухиныхъ Записокъ»...

Всяко - бываетъ и удивляться тутъ нечему. Но намъ, читая, яровитую статью и читая ее въ «Отечественныхъ запискахъ», невольно пришло въ голову: что дескать это? Мертвые - которымъ слѣдуетъ «погребсти своя мертвецы» принялись воевать съ живыми? Отжившій,

гальванически продолжающій существовать органъ, - отжившій авторъ скучнѣйшихъ и неодолимѣйшихъ, даже въ былую пору романовъ, въ родѣ «Племянницы», которую допечатать у себя всю нехватило терпѣнія даже у бывалаго, совершенно безцвѣтнаго «Современника», - заявляютъ свои права на жизнь защитою цивилизаціи отъ небывалыхъ ея враговъ и тупой враждой, къ одному изъ самыхъ яркихъ нашихъ талантовъ...

Это показалось намъ въ высшей степени комично...

Но такъ какъ долго и серьезно надъ этимъ фактомъ задумываться было нечего - и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ мышленіи нѣтъ скачковъ - и мыслятся большею частью съ извѣстнымъ фактомъ или факты однородные, или прямо ему противоположные... то мы невольно остановились на отживающихъ вообще въ литературѣ явленіяхъ...

Мы, признаемся, пришли въ немалое удивленіе, когда начали припоминать множество такихъ явленій еще доселѣ

упорно хотящихъ жить, вопреки законамъ природы и исторіи... и не только явленія, т. е. факты частные, но цѣлыя группы явленій, связанныхъ какимъ-то единствомъ т. е. направленіями...

И внезапная мысль озарила автора этой статьи. Хоть и не было у него никакого Ноздрева, который бы сказалъ ему, какъ тотъ Чичикову: «вотъ бы пища для твоего сатирическаго ума» - хоть даже сатирическаго склада не признаетъ онъ въ своемъ умѣ, - но ему невольно припомнились остроумные стихи Адамантова на погребеніе «Русской рѣчи» въ которыхъ онъ - т. е. вашъ покорнѣйшій слуга

Взоръ вперя изступленный
Въ сѣроватый небосклонъ

и обуреваемый пиѳическимъ азартомъ служенія «демоническимъ началамъ», представленъ въ видѣ нѣкоего врана, кидающагося на трупы:

И съ усердіемъ немалымъ
За паденьями слѣжу...

Ну что жь? - слѣдить за паденьями - такъ слѣдить за паденьями... И то задача.

Задача во всякомъ случаѣ, какъ уже сказано - гораздо болѣе безопасная, чѣмъ стремленіе отмѣчать незамѣченное нашей критикой - и даже, могущая рассчитывать на гораздо бльшее сочувствіе.

Мало ли вокругъ васъ ихъ, этихъ такихъ покойниковъ, по временамъ силящихся: «Vudac znak zusia» по выраженію поэта - и направлений, когда-то нужныхъ, но совершившихъ, въ болышій или меньшій срокъ свое дѣло, и направлений вовсе никогда не нужныхъ; и талантовъ, сказавшихся разъ и потомъ бесплодно повторяющихся - какъ напимѣръ г. Гончаровъ; и талантовъ, которые считались за что то, когда была мода на извѣстный жанръ, ими себѣ присвоенный во владѣніе и оказавшихся чѣмъ-то весьма малымъ по прошествіи моды, какъ г. Григоровичъ; - и борзописателей или борзописательницъ въ

родѣ г-жи Евгеніи Туръ, печатавшихся нѣкогда журналами, потомучто нечего было печатать - а на безрыбьи и ракъ рыба - и умныхъ, весьма честныхъ писателей, вродѣ автора множества романовъ В. Крестовскаго (не поэта), доказывающихъ постоянно своею дѣятельностью, что одного ума и одной честности весьма недостаточно для прочной литературной жизни; и дѣйствительныхъ, но совсѣмъ замершихъ въ маленькой раковинкѣ лириковъ, однообразно тянущихъ одну и ту же, данную имъ природой ноту; и сильныхъ талантовъ уродливыхъ, талантовъ дикихъ, такъ сказать пополамъ съ дичью - какъ на примѣръ г. Дріанскій, авторъ «Квартета» «Записокъ Мелкотравчатаго», - въ которомъ фонду несравненно больше, чѣмъ въ хваленыхъ когда-то талантахъ въ родѣ г. Григоровича, - но фондъ этотъ, эта руда - вслѣдствіе обстоятельствъ - такъ и остались въ неразработанномъ видѣ...

Всѣ эти покойники ужасно не хотятъ умереть, и при всякомъ удобномъ случаѣ заявляютъ, хотя тщетно, свои права на

жизнь. И нѣкоторые изъ нихъ - какъ лирики, заглохшіе въ своей раковинкѣ - и уродливые таланты, пожалуй и правы... но что жъ дѣлать?

Спящій въ гробѣ мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!

Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.

Два генерала. Эпизодъ изъ романа.
(Русск. Вѣстникъ 1864 г.)

Скажите намъ прежде всего, читатель, какого рода представленіе соединяете вы умственно съ именемъ Д. В. Григоровича, т. е. какого рода и качества писатель является, - говоря словами Гамлета - «передъ очами души вашей», - когда, вы и сами встрѣтите гдѣнибудь эту подпись и произнесете это имя, или ктонибудь другой произнесетъ имя или прочтетъ передъ вами подпись?.. Ну, вотъ напримѣръ -

произнесутъ передъ вами имя Островскаго, и конечно въ умѣ вашемъ пробуждается - или идея о творцѣ русскаго народнаго театра, если вы простой и только здраво читающій человѣкъ, - или по крайности идеи о «темномъ царствѣ» - если вы нигилистъ; имя Тургенева - и передъ вами возникаетъ, хотя и непластически опредѣленный, но очерченный достаточнымъ контуромъ обликъ писателя, отражавшаго сочувственно и высоко-поэтически различныя впечатлѣнія, которыя переживались вами и вашими предшественниками; имя Некрасова - нечего и говорить, что съ этимъ именемъ очерчивается очень оригинальная поэтическая фізіономія... ну какое хотите имя, хоть имя г-жи Евгеніи Туръ - и вамъ рисуется родъ, въ которомъ она - выражаясь тонкимъ языкомъ Осрика «превосходствуетъ» - именно родъ литературнаго толченія воды въ ступѣ, хоть В. Крестовскаго поэта - и сей часъ вамъ кидаются игривые «испанскіе мотивы» - хоть В. Крестовскаго-романиста - и вамъ

напоминаются цѣлые томы весьма удобно читавшагося резонерства. Однимъ словомъ, какая нибудь да есть фізіономія у всякаго писавшаго и пишущаго человѣка, какой нибудь да есть родъ, въ которомъ онъ «превосходствуетъ» - отъ первостепенныхъ талантовъ, которыми мы начали, до порченыхъ талантовъ, золотыхъ посредственностей и бездарностей, которыми...» Но «пусть» какъ говоритъ Гамлетъ, «окончаніе рѣчи явится само собою... Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право спросить васъ, какого рода литературное представленіе соединяется у васъ умственно съ именемъ Д. В. Григоровича? И тѣмъ паче имѣемъ мы на это право, что нѣкогда - не болѣе даже лѣтъ восемь-семь тому назадъ, это имя красовалось на оберткѣ «Современника» наряду съ именемъ такого безпорно високаго художника, какъ Островскій, такого безспорно-же, яркаго самобытно колоритнаго и сильнаго таланта какъ Л. Толстой - красовалось, такъ сказать, въ исключительную похвальбу нѣкую - что

вотъ-де, только у насъ и будетъ такое диво, какъ Д. В. Григоровичъ.

Вы можетъ быть ждете послѣ такого вопроса, что мы вдругъ объявимъ Д. В. Григоровича писателемъ безъ опредѣленной фізіономіи, безъ рода дѣятельности, въ которомъ бы онъ «превосходствовалъ» - и конечно тотчасъ же вооружитесь на насъ. «Какъ дескать, - скажете вы - безъ фізіономіи? Д. В. Григоровичъ - писатель изъ народнаго быта, и въ этомъ родѣ дѣятельности превосходилъ; Д. В. Григоровичъ въ нѣкоторомъ родѣ даже писатель-гражданинъ, писатель-дѣятель, съ заслугами въ великомъ вопросѣ крестьянскаго дѣла!.. Разуверьтесь пожалуйста! мы и не думаемъ говорить что Д. В. Григоровичъ не имѣетъ литературной фізіономіи, чтобы за нимъ не было рода, въ которомъ бы онъ «превосходилъ» - чтобы мы ставили его на одну доску съ абсолютными безцвѣтностями вродѣ.. ну, положимъ хоть г. Гербея, который вопреки извѣстному литературному соннику, - изрекшему, что «видѣть во снѣ г. Гербея -

ничего не значить» - грезится многимъ и въ томъ числѣ пишущему эту статью по крайности хоть въ видѣ воинственнаго Пиндара, воспѣвающаго пѣснь своимъ погибшимъ, живущимъ и начинающимъ жить сотоварищамъ... Разувѣрьтесь слѣдовательно. Не для того предложили мы вамъ вопросъ о фізіономіи г. Григоровича, и не имѣете вы права какъ Лазарь Подхалюзинъ сказать: «вы можете быть на счотъ фізіономіи сумлѣваетесь?» Для того напротивъ предложили мы вамъ такой вопросъ, чтобы сейчасъ же вызвать со стороны вашей рѣшительный отвѣтъ, именно такой, какой мы и вложили вамъ въ уста, т. е. что Д. В. Григоровичъ писатель изъ народнаго быта и что въ этомъ родѣ литературной дѣятельности онъ..... Ну однако какъ поставить правильно:

- 1) превосхлодствовалъ?
- 2) превосхлодствуетъ? - или
- 3) превосхлодствовалъ и
превосхлодствуетъ?..

Прибѣгая опять къ рекомендуемому Посошковымъ «народосовѣтію» - и полагая

твердо, что «міръ» въ своихъ рѣшеніяхъ всегда справедливъ (хоть Ахиллесъ-Рой г-жи Кохановской и поправляетъ его рѣшенія своимъ авторитетомъ, ну да на то онъ Рой-Ахиллесъ, богатырь и помѣщикъ), мы съ твердой увѣренностью - изъ трехъ предложенныхъ нами формулъ выбираемъ формулу прошедшаго времени - ибо, не скажете же вы, что теперь, когда писателей, и притомъ чрезвычайно талантливыхъ изъ народнаго быта - расплодилось столь же много, какъ грибовъ въ дождливое время и что рѣшительно становишься втупикъ, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе: г. ли Слѣпцову передъ г. Н. Успенскимъ или на оборотъ, - г. ли Н. Успенскому передъ г. Г. Успенскимъ; г. ли Левитову передъ всѣми - не скажете же вы, что Д. В. Григоровичъ «превосходствуетъ» въ этомъ родѣ литературной дѣятельности. Вѣдь вы знаете очень хорошо, такъ же хорошо какъ и мы, насколько далѣе впередъ ушли отъ Д. В. Григоровича всѣ эти, поименованные нами талантливые писатели - и въ знаніи и въ изображеніи быта, и въ полнотѣ этого

знанія и въ свободѣ изображенія. Стало быть, мы по неволѣ и должны остановиться на формулѣ: Д. В. Григоровичъ превосходилъ нѣкогда какъ писатель изъ народнаго быта». Это будетъ и вѣрно и правильно и съ міромъ согласно...

Когда же и долго ли было это - нѣкогда? воспослѣдуетъ сейчасъ съ нашей стороны вторичный вопросъ - и мы опять сами отвѣтимъ на него - за васъ читатели, какъ читавшіе Д. В. Григоровича, такъ и нечитавшіе его...

Это нѣкогда - правду сказать было очень недолго, а именно съ 1847 года, когда начался Современникъ и напечатался въ немъ знаменитый «Антонъ Горемыка» до 1859 года включительно, когда на оберткѣ того же Современника воскресовалось исключительное участіе Д. В. Григоровича, «яко дива какова». Двѣнадцать лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ было всего такое «превосходствованіе» Д. В. Григоровича въ родѣ народнаго бытописанія. Весьма не много - но увы! и изъ этого немногаго надобно вычестъ покрайней мѣрѣ лѣтъ

шесть, въ которыя Д. В. Григоровичъ позналъ себѣ соперниковъ на семь поприщѣ - лѣтъ шесть, въ которыя слава его жила болѣе прошедшими, чѣмъ настоящими доблестями. Ибо - тоже кажется дѣло уже рѣшонное, что когда явился г. Потѣхинъ (т. е. г. Потѣхинъ А. ибо о г. Потѣхинѣ Н. въ статьяхъ литературныхъ говоритъ вообще не принято) - Д. В. Григоровичъ съ его народнымъ бытописаніемъ, былъ, не говоримъ затемненъ, а просто стушованъ новымъ бытописателемъ - хотя и борзописцемъ, но безспорно даровитымъ борзописцемъ, хотя и грубымъ маляромъ но безспорно маляромъ съ натуры, хотя слѣдовательно не художникомъ, но за то полнымъ хозяиномъ въ томъ быту, въ которомъ Д. В. Григоровичъ былъ заѣзжимъ любознательнымъ гостемъ иностранцемъ, - свободнымъ обладателемъ той рѣчи, которую Д. В. Григоровичъ видимымъ образомъ записывалъ въ свою *livre de voyage*... Что же случилось со славою Д. В. Григоровича какъ писателя изъ

народнаго быта, когда появились истинно-художественные рассказы въ этомъ родѣ Писемскаго: «Питерщикъ» «плотничья артель?..» Что же случилось потомъ еще съ этою, болѣе чѣмъ сомнительною славою, когда одинъ за другимъ начали появляться писатели молодые, вродѣ выше нами упомянутыхъ...

Д. В. Григоровичъ вѣроятно и самъ увидалъ непрочность своей славы - и съ горя принялся за прежній родъ свой, въ которомъ онъ вовсе не «превосходствовалъ» особенно, въ которомъ по крайней мѣрѣ не признавался «превосходящимъ», за родъ фельетонныхъ романовъ и рассказовъ изъ петербургской или провинціальной жизни... Однимъ изъ нихъ, печатавшимся долго въ Отечественныхъ Запискахъ и истощившимъ терпѣніе читателей до того, что авторъ и журналъ не дали ему даже окончиться, - онъ скандализировался несравненно болѣе, чѣмъ выведенный тамъ какой то провинціальный авторъ «непризнанной индѣйки»; - затѣмъ Д. В. Григоровичъ

началь передавать публикѣ свои путешествія и вообще послѣ «рыбаковъ» и «переселенцевъ», утомившихъ читателей не менѣе упомянутого романа изъ провинціальной жизни, - исчезъ окончательно съ поприща народнаго бытописанія.

Стало быть въ сущности, настоящаго литературнаго житія его, какъ народнаго бытописателя, - было три года и нѣсколько мѣсяцевъ, отъ напечатанія повѣсти «Антонъ Горемыка» до появленія первой повѣсти г. А. Потѣхина.

Теперь мы должны читателямъ, читавшимъ сочиненія Д. В. Григоровича, сдѣлать другой вопросъ: хватитъ ли въ нихъ сила, героической рѣшимости, прочесть вторично, не говоримъ уже - «рыбаковъ» или «переселенцевъ» - ибо было-бы крайне безжалостно вызывать на вторичное прочтеніе этихъ длинныхъ и скучныхъ компиляцій всякой всячины изъ народнаго быта, попавшихъ въ записную книжку туриста, компиляцій, разбавленныхъ притомъ дешовою и приторною

сентиментальностію - но даже, сравнительно болѣе краткую, но все таки ужасно длинную элегію объ украденной пѣгой кобылѣ т. е. знаменитаго «Антоня Горемыки?»»

Едва ли найдутся въ этомъ дѣлѣ много храбрыхъ - а тѣхъ, въ которыхъ станетъ энергія - мы не поздравляемъ. Перечитывая по обязанности всѣ бытописанія Д. В. Григоровича, мы лично скучали невыносимо, и притомъ совершенно безплодно.

Въ отношеніи Д. В. Григоровича мы доходили, при перечитываніи его «сочиненій» изъ народнаго быта, при поѣркѣ его отличительной фізіономіи до того, что чуть не говорили съ Самсономъ Силычемъ Большовымъ - «ну ее фізіономію!» - при оцѣнкѣ его рановременно скончавшейся славы мы доходили до печальнаго убѣжденія, что слава эта была не что иное какъ пухъ, порожденный на эфемерное существованіе прихотливою модою... И мы увѣрены, къ сожалѣнію, что это не наше только личное

мнѣніе а мнѣніе всякаго, кто задасть себѣ трудъ повѣрить свои бывалыя впечатлѣнія - и при томъ мнѣніе, основанное на необоримыхъ данныхъ...

Найдется ли въ наше время ктонибудь, кто станетъ утверждать что Д. В. Григоровичъ воспроизвелъ какіе либо типы изъ народнаго быта?

Найдется ли ктонибудь, кто мозаически-складную рѣчь Д. В. Григоровича, - чуднѣю и наборную этимологически и несвободную синтаксически, сочтетъ за народную?

Найдется ли наконецъ ктонибудь, кто наивно повторить, что Д. В. Григоровичъ серьезно а не по прихоти и не по модѣ удостоивалъ заниматься народнымъ бытомъ?

На всѣ таковыя вопросы - можно не колеблясь дать отрицательныя отвѣты, изъ чего выходитъ конечно результатъ крайне не утѣшительный - а именно: съ именемъ Д. В. Григоровича, для всякаго читателя соединяется представленіе о писателѣ, «превосходствовавшемъ» въ изображеніяхъ народнаго быта, - а какъ о таковомъ, о

немъ - отлагая въ сторону галантерейность обращенія - говорить въ настоящее время не стоитъ, да и сказать-то, кромѣ сказаннаго, нечего. Не рассказывать же содержанія почившихъ въ мирѣ его произведеній, не выписывать же, съ подчоркиваніями разныхъ мѣстъ для доказательства, что онъ не свободный хозяинъ народной рѣчи; все это - будетъ только пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее, уже и потому только, что все это всякому безъ нашихъ указаній извѣстно.

Но мы смѣло дали отрицательный отвѣтъ и на третій, поставленный нами вопросъ, вопросъ о серьезности отношеній Д. В. Григоровича къ народному быту - и на счотъ этого обязаны конечно объясниться нѣсколько поподробнѣе.

Есть писатели, которые не дѣлали народный бытъ (въ такомъ смыслѣ крестьянскаго быта) исключительнымъ предметомъ своей литературной дѣятельности: Пушкинъ, С. Аксаковъ, Островскій, Ф. Достоевскій, Тургеневъ, Писемскій, Л. Толстой - въ которыхъ

глубокаго сочувствія какъ къ народу вообще, такъ и къ крестьянству въ особенности - а равно и глубокаго же пониманія народности, какъ въ обширномъ такъ и въ тѣсномъ смыслѣ - заподозрить нельзя; ибо вездѣ гдѣ они касались типовъ народнаго въ тѣсномъ смыслѣ быта, - они изображали ихъ какъ истинные мастера - въ лѣтописи-ли села Горохина, въ запискахъ-ли Охотника, въ Мертвомъ-ли домѣ, въ Плотничьей-ли артели, въ Севастопольскихъ-ли воспоминаніяхъ. Потому они органически дѣлали органическое дѣло - уловляли типы и выраженіе въ нихъ національной индивидуальности, - не сочиняя въ себѣ сочувствій вообще и не ограничивая насильственно сочиненныхъ сочувствій какою либо стороною національнаго быта: они «не брали на откупъ народныхъ слезъ», а съ равною любовью относились ко всему народу и ко всему въ народѣ.

Появились въ наше время и другіе писатели, (это отчасти - такъ названная недавно какъ-то въ Современникѣ - «Новая

литература»), которые специально обратили свою литературную дѣятельность на народный бытъ въ тѣсномъ смыслѣ, по той простой причинѣ, что только его и знаютъ. И благо имъ; и хорошо они дѣлаютъ, что пишутъ только о томъ, что знаютъ - лишь бы только: 1) въ угоду разнымъ теоріямъ они не гнули хорошо знакомыхъ имъ явленій этаго быта подъ мѣрку «бѣлой Арапіи». 2) Не дѣлали изъ этого ремесла - ибо такимъ образомъ они всѣ могутъ истощиться, какъ истощился одинъ изъ даровитѣйшихъ у нихъ, г. Н. Успенскій, доведшій цѣховую работу до рассказовъ о ни чемъ, 3) не лѣзли бы вопреки своимъ симпатіямъ, въ угоду газетчикамъ и журналистамъ, въ сатирическую и отрицательную манеру, какъ даровитѣйшій изъ всѣхъ этихъ, г. Левитовъ, а равно и не писали бы какъ онъ въ послѣднее время, ради приумноженія печатныхъ строчекъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти господа произошли въ литературѣ органически и дѣлаютъ органическое, хотя узко-спеціальное дѣло, и уже сами будутъ виноваты, если погубятъ

съ себѣ живыя органическія начала ради теорій или ради счота печатныхъ строчекъ. Одна бѣда, которая съ «этой новой литературой», можетъ приключиться - это то, что она скоро набьетъ оскомину.

Есть еще писатели, - не у насъ впрочемъ, а на западѣ, которыхъ или душа страшно наболѣла отъ всякихъ общественныхъ вопросовъ, отъ благъ и язвъ цивилизаціи, ими на себѣ до полнѣйшаго пресыщенія изношенныхъ (какъ на примѣръ Зандъ и Ламартинъ) - или особенно-идиллически построенные отъ рожденія, какъ Ауэрбахъ на примѣръ, - которые во что бы то ни стало, хотятъ простоты, «непосредственности» и стародавнія отраженія XVIII вѣка, отъ «природы» переносятъ «по духу времени и вкусу на простонародье». Они, обыкновенно въ такомъ случаѣ или губятъ какъ Зандъ, свои высокія дарованія въ сочиненіи идеальныхъ «пейзанчиковъ», или изуродованныхъ Пьеровъ Гюгененовъ, - или пишутъ какъ Ламартинъ сантиментально-напыщенную ерундищу, въ родѣ *Le tailleur de pierre de*

saint Point... Что же касается до нѣмца Ауербаха - то онъ, лѣтъ семьдесятъ назадъ, по идиллическимъ своимъ наклонностямъ, былъ бы непременно Августомъ фонъ Лафонтеномъ, и написалъ бы «Природу и любовь». Вообще это таже страсть къ «дикимъ» XVIII вѣка, только не та страсть къ нимъ, какъ къ типамъ, какую питалъ художникъ Куперъ. Порѣшаетъ эту тоже «новую литературу» обыкновенно великій поэтъ въ родѣ Гюго, который создавая великую эпопею о Франціи новой, какъ нѣкогда создалъ - едвали въ художественномъ отношеніи не высшую - эпопею о Франціи средневѣковой, - уловляетъ какъ художникъ типы національности вообще, относясь съ равною художественною и человѣческою любовью и къ гамену Гаврошу и къ старому буржуа, дядюшкѣ Марьюса - равно мастерски изображая эпопею баррикадъ и буржуазныя подробности Марьюсовой свадьбы. Потому, это поэтъ настоящій, органическій продуктъ своей націи, могучій

носитель всей національной индивидуальности.

Есть наконецъ писатели, одаренные извѣстной, но не особенно яркой степенью наблюдательности и легкой - болѣе обезьянной чѣмъ человеческой воспримчивостью, - которымъ писать хочется потому, что и способность-то нѣкоторая есть, и славы то хочется, да и выгоды не малыя писательство представляетъ, а писать-то нечего. Писать человѣкъ можетъ только о человѣкѣ - а о человѣкѣ у насъ крайне-сбивчивое и мизерное понятіе. Въ области живописи, такіе способные субъекты склонны очень къ ландшафтному роду, да не къ тому, въ которомъ есть мрачная или свѣтлая поэзія, вносимая въ природу человѣческимъ духомъ, а такъ, просто къ ландшафтному роду, или къ изображенію сценочекъ съ натурки, - но дѣло въ томъ, что у нихъ идеала нѣтъ и даже смутнаго представленія объ идеалѣ нѣтъ: въ избранной сценѣ какойнибудь, они видятъ только возможность эффектно расположить фигурки... въ

ландшафтахъ они тоже пожалуй человѣческую фигурку влѣпятъ, но тоже ради эффекта и притомъ самаго мизернаго рода. Въ литературѣ - они преимущественно на чуднѣе на что нибудь надѣются - и нѣкоторые изъ нихъ съ немалымъ успѣхомъ цѣлую жизнь до старости разные чудные анекдоты рассказываютъ. Отношеніе же ихъ къ этому чуднѣму бываетъ *adlibitum*, каковъ вѣтеръ подуетъ, симпатическое или отрицательное. Потому - имъ это совершенно все равно. Многіе изъ нихъ изображаютъ - изображаютъ идиллически и «со слезой» - *ses bons mougiks* напримѣръ, да коли надоѣсть это публикѣ, готовы, пожалуй, воскликнуть такимъ же голосомъ, «будетъ намъ цвѣтами убирать!»

Мы не говоримъ конечно, чтобы Д. В. Григоровичъ прямо принадлежалъ къ этой послѣдней категоріи писателей изъ народнаго быта, - но погрѣшимъ противъ критической совѣсти, если признаемъ органическія начала за его дѣятельностью на этомъ поприщѣ.

Д. В. Григоровичъ началъ свою литературную дѣятельность разсказами въ родѣ шарманщиковъ - до сихъ поръ лучшаго и самаго искренняго изъ всего что написалъ онъ; началъ самымъ меленькимъ жанромъ - жанромъ одинаково мелкимъ съ тѣмъ на примѣръ, которому отдался въ наше время г. Генслеръ - и если и не превосходилъ, въ этомъ жанрѣ - ибо у него нѣтъ той оригинальности и колоритности маленькаго таланта, которыя даны г. Генслеру - то все таки былъ бы по сіе время весьма сноснымъ и удобочитаемымъ писателемъ жанристомъ. Обладая извѣстной степенью воспріимчивости, или лучше сказать переимчивости, свойственной вышеозначенной нами породѣ, онъ могъ бы дагеротипно вѣрно - разумѣется безъ особенной глубины - передавать разныя сценки съ натуры. Разумѣется такъ же, что ему слѣдовало прежде всего избѣгать какой либо претензіи на какую либо серьезную мысль и на какое либо серьезное чувство: - какъ подобная претензія проглянула разъ

въ одномъ изъ первоначальныхъ его рассказовъ въ «Неудавшейся жизни» - такъ и обличила несостоятельность автора по части самобытности; это были въ сущности нѣсколько строкъ Гоголевскаго «портрета», да его же двѣ страницы, о петербургскихъ художникахъ изъ «Невскаго проспекта» разведенныя въ мутной водѣ сантиментализма, да приправленныя пафосомъ художественныхъ драмъ г. Кукольника и нелѣпѣйшими, безгранично узкими взглядами на искусство. Во всякомъ случаѣ, Д. В. Григоровичъ и самъ бы, какъ писатель обладающій отзывчивостью на требованія минуты - не пошелъ бы далѣе въ этомъ скучномъ родѣ и остановился бы на такъ называемыхъ тогда, и бывшихъ въ ходу, - физиологическихъ очеркахъ разныхъ чудныхъ сторонъ петербургскаго быта; именно на петербургскомъ бытѣ - какъ мы постараемся доказать реактически - и слѣдовало бы ему остановиться; потому что чудныя стороны этого быта доступны поверхностной воспріимчивости и могутъ быть записываемы въ памятную книжку

любопытнаго наблюдателя, не требуя хозяйскаго и свободнаго собою распоряженія - какъ сами неимѣющіе въ себѣ органически глубокихъ, типически національныхъ свойствъ.

На бѣду случилось вотъ какое обстоятельство. Д. В. Григоровичъ началъ свою дѣятельность во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, въ эпоху - когда анализъ различныхъ тонкихъ и глубокихъ чувствованій, создавшихся по иноземнымъ выкройкамъ героевъ и героинь нашего времени, понадоѣлъ уже достаточно; когда уже начинали понемногу сомнѣваться въ томъ, чтобы такъ абсолютно правы были разные Романы Петровичи («Послѣдній визитъ») и «Чистоплотныя» Наташи (одна изъ героинь бывалыхъ, неудачно-трагическихъ рассказовъ покойнаго, даровитѣйшаго какъ фельетонистъ, Панаева), въ ихъ борьбѣ съ невѣжественною (*conditio sine qua non*) и грязною (тоже *conditio sine qua non*) тиною уѣздной или губернской дѣйствительности - и даже въ томъ, чтобы дѣйствительность

была кругомъ виновата противъ такой развившейся и изящной личности... Пресыщеніе вызывало реакцію... російская отзывчивость не замедлила отвѣтить на вызовъ и съ одной стороны, въ противоположность изображенію тонко развитыхъ личностей, явились идиллическія или элегическія изображенія простого быта, - а съ другой, въ пику сухому идеализму, дошедшему до своихъ крайнихъ и даже уже смѣшныхъ граней - сухой прозаизмъ - полированный, чистенькій, съ иголки утѣшилъ извѣстную часть общества дѣятельностью писателя, который въ «Обыкновенной исторіи» отдалъ ему, этому сухому прозаизму свой яркій талантъ и остался вѣрнымъ ему по гробъ своей славы въ «Обломовѣ».

Была и другая реакція, независимая отъ вліянія моды, вышедшая изъ несравненно болѣе глубокихъ источниковъ, искренняя и чистая въ своемъ протестѣ за униженныхъ и оскорбленныхъ - реакція органическая, хотя на первый разъ еще лишонная самообладанія и обладанія жизнью - реакція

«сентиментальнаго натурализма», - но о ней говорить здѣсь не мѣсто, ибо дѣятельность писателя, о которомъ мы говоримъ теперь - не была ничѣмъ съ нею связана.

Д. В. Григоровичъ, по роду своей воспріимчивости обозначенной нами - поспѣшилъ отвѣтить на вызовъ духа времени и заблагоразсудилъ избрать себѣ въ предметъ литературныхъ занятій «простой», «непосредственный» бытъ. За недостаткомъ подъ рукою «дикихъ» - онъ взялъ крестьянъ.

Это далось ему вѣроятно очень легко при его воспріимчивости: онъ записывалъ чуднѣйшій бытъ и чуднѣйшій языкъ шарманщиковъ, салопницъ, мелкаго чиновничества - съ большимъ успѣхомъ; отчего же не записывать ему и столь же чудныхъ для него, - быта и языка «de ses bons mougiks». Картинки тоже онъ могъ найти и въ этомъ чуднѣйшемъ быту, картинки даже очень эффектенѣйшія и въ родѣ жалостномъ и даже пожалуй въ граціозномъ: особенно если изобразить напримѣръ - ну хотя очагъ курной избы и

здоровую крестьянку, освѣщенную огнемъ - или таковую же, пощипывающую передникъ сарафана въ разговорѣ съ милымъ человѣкомъ; оно, - особенно если немножко подкрасить - будетъ и чуднѣ и мило... а жалостнаго - нечего ужъ и говорить - не оберешься...

И дѣйствительно все сіе не только казалось легко, но и было на первый разъ очень легко... И отношеніе къ изображаемому быту и даже формы - все это было готовое, давалось тотчасъ же потребностями минутъ.

Жоржъ-Зандъ уже въ «Compagnons du tour de France», перемѣнившая - отчасти по капризу огромнаго таланта, - любимыхъ своихъ героевъ тонкаго развитія, на уврѣеровъ философствующихъ «a la Pierre Leroux» какъ ея Гюгенень, - въ la Marre au Diable перешла уже прямо въ простой, непосредственный бытъ и принялась казнить его идиллическими изображеніями цивилизованное общество. Правда, что великій талантъ ея и тутъ умѣлъ иногда - крѣпостью силы и жизненности выкупать

приторность - правда, что натура могучая и живая, и при томъ одна изъ глубокихъ представительницъ національности - она не имѣла нужды записывать чуднѣе и чуднѣю рѣчь въ записную книжку, а обнаруживала напротивъ чередою (какъ въ «Maitres sonneurs», на примѣръ) глубочайшее и инстинктивное разумѣніе своей народности съ ея отливами и мѣстностями - и хоть бы самому Мишле можно было бы признать у нея за свои - удивительныя страницы объ «Hommes de la Plaine» и «Hommes de la montagne» - мѣткія замѣчанія о типическихъ особенностяхъ Турени или другихъ областей сложной и тремя революціями еще не амальгамированной національности; правда тоже что какъ высоко даровитый художникъ, Зандъ всюду искала типовъ и возвышалась въ нихъ нерѣдко до поэзіи... Но у насъ, на первый разъ можно было обойтись и безъ всего этого. Было бы только съ одной стороны жалостно а съ другой чуднѣ...

Но правда тоже и то, что въ это же самое время выступаль съ своими «Записками

Охотника» высоко талантливый, симпатичный писатель, которому быть гениальнымъ мѣшалъ только недостатокъ силы и то, можетъ быть, что онъ, послѣдній представитель тѣхъ «quelques gentilshommes, qui se sont occupés de la littérature en Russie», по словамъ одного Француза, былъ въ сущности - повтореніемъ въ слабыхъ очертаніяхъ натуры Пушкина - точно національной нашей жизненной силѣ жаль было разстаться съ своимъ любимымъ порожденіемъ и захотѣлось попытаться вновь его воспроизвести... «Органическое порожденіе почвы и мѣстности Великорусской Украйны, въ которомъ такъ же по мимо его вѣдома сидѣли и разгуль Чертопхаева и мистическій пантеизмъ «Касьяна съ красивой Мечи» - какъ въ Пушкинѣ Бѣлкинѣ и Великорусскій аскетизмъ (выражавшійся и въ молодую пору стихотвореніями въ родѣ «Монастырь на Казбекѣ» - и въ зрѣлую цѣлымъ рядомъ глубокихъ стихотвореній), - баричь-охотникъ не имѣлъ нужды отмѣчать въ

записной книжкѣ чуднѣй быть, и чудную рѣчь - потому что ни быть ни рѣчь чудны ему не были. И онъ медленно, лѣниво, беззаботно писалъ разсказъ за разсказомъ - удивительную книгу, которая проживетъ столько же какъ сама русская литература - внося въ нее и самого себя, свое моральное разногласіе и сомнѣніе «Гамлета Щигровскаго уѣзда», свой болѣзненный и вмѣстѣ добродушный юморъ, отъ котораго порою сжимается сердце и у читателя, - изображая человѣка, а не эффектненькія картинки и самую природу обливая тѣмъ фантастическимъ мерцаніемъ, которое есть у нея тамъ, въ той сторонѣ, и которое такъ доступно человѣку той стороны...

Все это такъ, все это правда, но Д. В. Григоровичъ и не имѣлъ вѣроятно большихъ притязаній, а билъ на успѣхъ и не ошибся.. Ему - главное, нужно было попасть въ тонъ минуты - онъ и попалъ.

Отношенія къ избранному имъ въ «воздѣльваніе» предмету опредѣлялись сразу. Не воспроизводитъ многообразные типы русскаго человѣка, не брать его

такимъ, каковъ онъ есть въ этомъ быту - было задачею Д. В. Григоровича. Такая задача потребовала-бы отъ писателя много такого, что натура его дать не могла - прежде же всего потребовала бы рисовки челоѡка - а Д. В. Григоровичъ умѣлъ только вставлять фигурки, съ виду похожія на людскія въ свои ландшафтики - умѣя замѣчать, и стало быть и отмѣчать только три рода вещей: чуднЦя, миленькія и жалостливыя.

Минута требовала притомъ непрѣменно симпатическаго отношенія къ быту «дикихъ» и въ особенности паѡоса противъ неправаго, философски и исторически, положенія.

Но какъ симпатія, такъ и паѡос бываютъ разныхъ сортовъ - и въ особенности рѣзко отличаются симпатія и паѡось врожденныя отъ таковыхъ же, сочиненныхъ искусственно.

Любить извѣстный бытъ, хоть бы народный наримѣръ, тоже можно двояко т. е. или можно любить самый бытъ, какимъ его создали жизнь и исторія -

причемъ является непременно любовь къ его типовымъ особенностямъ, кореннымъ чертамъ и пожалуй даже къ самымъ безобразіямъ. Это - широкая любовь, для которой любимое имъ есть святыня, предметъ поученія а не изученія. Этою широкою любовью любилъ напимѣръ народъ и его бытъ Пушкинъ, отчего и создалъ онъ лѣтопись села «Горохина», «Пугача» и «Соломоновъ судъ» капитанши въ «Капитанской дочкѣ», кузнеца въ «Дубровскомъ». Этою любовью любить народъ въ его многообразныхъ типахъ Островскій - что и доказываетъ своими многообразными типами. Другаго сорта любовь та, которая все хотѣла вывести изъ дикаго состоянія «Ces bons et malheureux mougiks russes», - сострадательно относясь къ ихъ «невѣжествамъ», «суевѣріямъ» и проч. - сострадательно до поры, до времени, - готовая, конечно для ихъ же блага, исправлять таковыя невѣжества, суевѣрія, закоснѣлости хоть какими угодно мѣрами...

Читали вы напрімѣръ наивную исповѣдь одного изъ почтенныхъ собирателей сокровищъ народнаго быта, г. Безсонова, или таковую же и таковаго же, г. П. Рыбникова - помѣщенныя въ «Днѣ», прошлаго года? Труденъ доступъ къ народу и сокровищамъ его души - любителямъ, и боится народъ своихъ любителей.

И вѣдь не безъ основанія боится, должно сказать правду. Большая часть любителей - особенно въ бывалую пору - любили въ немъ или «пейзанчиковъ», созданныхъ ихъ узенькимъ воображеньицемъ или коммуны и фаланстеры - столько же этому быту свойственные какъ коровѣ сѣдло. На глубь его, на его, религіозную, семейную и нравственную подкладку они смотрѣли (нѣкоторые и до сего дня смотрятъ) съ высоты величія, развѣ - развѣ что только снисходя къ ней. Съ существенными и коренными основами его, этого, крайне любимаго ими быта, они находились въ разобщеніи и мудрено ли, что они навязывали быту свои идеальчики, - не понимали его органическихъ явленій,

обходили ихъ или растолковывали вкривъ и вкось и великодушно желали исправить. Ну что напримѣръ, съ точки зрѣнія такой любви - слѣпые пѣвцы нищѣ, столь любимые г. Безсоновымъ? - Шатуны - по политической экономіи - да еще въ добавокъ вредные распространители всяческихъ суевѣрій и безобразій, по ученію бѣлой Арапіи. - Но мало того что они шатуны и еще вредные, - они въ добавокъ еще воры и мошенники, каковыми являются они у Д. В. Григоровича въ его «Переселенцахъ».

Да что Д. В. Григоровичъ. Онъ - въ сущности, по натурѣ своего талантика и по сути своего жанрика, болѣе былъ способенъ уморительно передразнивать, какъ нѣкоторые, смерть мужика напримѣръ, или рассказывать - какъ съ успѣхомъ рассказываютъ другіе - анекдоты о томъ, какъ простой народъ глупъ и какъ бабѣ никакъ нельзя втолковать зачѣмъ «деньги жгутъ, на дворѣ Банка»... Онъ предназначенъ былъ подмѣчать разныя чуднѣлы и только «по духу времени», а не

«по вкусу» занялся - и притомъ, занялся только нарочно, а не взаправду симпатією и рассказами жалостными о кражѣ пѣгой кобылы... Поэтъ, поэтъ настоящій, поэтъ котораго стихъ

Ударилъ по сердцамъ невѣдомою силой,

поэтъ, способный возвышаться до великаго и чистаго лиризма въ поэмѣ о Волгѣ, Некрасовъ - и тотъ душегуба какого то взялъ въ представители сборщиковъ на церковное строеніе, - пакостную исторію какую то привязалъ къ свадьбѣ простаго человѣка съ простою женщиной, - въ великой эпохѣ народной борьбы увидаль только гнусную рѣзню какъ нѣчто типическое...

И нельзя иначе. Къ этому великому таланту пристало столько петербургской всякой ржавчины, что ее, какъ говорится, въ семи водахъ не отмоешь. Такъ вѣдь это все таки великій талантъ, который умѣетъ же вставать порою до высоты и чистоты народнаго міросозерцанія... ну, а Д. В.

Григоровичъ... и не падалъ и не вставалъ, а такъ себѣ «стяжалъ мзду свою», - имѣлъ эфемерный успѣхъ и будетъ съ него.

Съ народнымъ «творчествомъ», Д. В. Григоровича мы покончили. Увы! для него въ этомъ отношеніи слишкомъ рано настало потомство!

Но есть, какъ мы сказали уже, другая сторона у Д. В. Григоровича - сторона, въ которой онъ никогда не признавался «превосходящимъ» - и которая тѣмъ не менѣе, занимаетъ по крайней мѣрѣ треть полнаго собранія его сочиненій, - а если бы въ это полное собраніе включень еще былъ романъ, тянувшійся нѣкогда нѣсколько книжекъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» - то пожалуй заняла бы съ половину.

Въ этой части своей дѣятельности Д. В. Григоровичъ является просто, безъ претензій на идеи и симпатіи, рассказчикомъ различныхъ петербургскихъ и губернскихъ сплетень - и, признаемся можетъ быть къ стыду нашему, что эту полосу его «творчества» пересмотрѣли мы съ несравненно бльшимъ удовольствіемъ и

съ несравненно же меньшимъ утомленіемъ чѣмъ ту, въ которой онъ признавался нѣкогда «превосходствующимъ». Потому мы говоримъ: къ стыду нашему, что удовольствіе доставляемое такимъ времяпрепровожденіемъ, - въ сущности ужасно пустое и праздное удовольствіе. И это конечно не по причинѣ предметовъ избираемыхъ для рассказовъ писателемъ - а по мелочности таланта, недостаточности глубины анализа и поверхностности или даже низменности отношенія къ предметамъ.

Въ сущности всѣ эти произведенія - слишкомъ длинныя для фельетона и слишкомъ пустыя для повѣстей и рассказовъ - связаны одною задачею. Вездѣ и всюду Д. В. Григоровичъ изображаетъ болѣзнь моральнаго лакейства, свирѣпствующую въ столичномъ или губернскомъ мѣщанствѣ, - тоже что изображалъ покойный И. И. Панаевъ въ фельетонахъ «Новаго поэта» и въ своихъ сатирическихъ рассказахъ; но Панаевъ былъ дѣйствительно замѣчательнымъ

наблюдателемъ, вѣрно, живо и не рѣдко даже глубоко захватывавшій психическія пружины мелкихъ букашекъ, которыхъ сажаль на шпильки - и его очерки, въ особенности фельетоны «Новаго поэта» имѣютъ доселѣ свою игру, и - не смотря на свою легкость - будутъ имѣть и послѣ нѣкоторое историческое значеніе. Вѣдь всѣ эти различныя марева петербургской жизни - фешенебельный міръ и бюрократическій міръ чиновничества, особеннаго, почти уже исчезнувшаго - и міръ камелій - все это было же - и все это схвачено на лету своей эфемерной жизни талантливимъ фельетонистомъ, который хоть и не богъ знаетъ съ какими глубокими задачами, но все таки вглядывался въ челоуѣка, уловляя явленія этого марева... Д. В. Григоровичъ просто рассказываетъ похождения разныхъ хлыщей, живущихъ въ Петербургѣ, въѣзжающихъ въ него или процвѣтающихъ въ провинціяхъ, рассказываетъ съ сластью и засосомъ, даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ къ г. Бондаревскому и восторгомъ отъ Клары Петровны или

княжны Зинзивѣевой - внутренне раздѣляя съ господами Бондаревскими ихъ глубокое уничтожающее презрѣніе къ не комъильфотности Накатовыхъ, Свистулькиныхъ и другихъ несчастныхъ лицъ; казня ихъ несчастныхъ, этихъ парій осужденныхъ вѣчно стремиться къ эдему высшаго общества и никогда не достигать цѣли, но казня не за пошлость этого стремленія, а именно за отсутствіе идеальнаго начала комъильфотности. Бондаревскихъ же и Слоначинскихъ конечно не можетъ коснуться ножъ анализа писателя: они расхаживаютъ въ такомъ же недосыгаемомъ величіи, какъ разные великосвѣтскіе герои покойныхъ повѣстей графа Сологуба и въ мірѣ погибшихъ романовъ г-жи Евгеніи Туръ... Въ контрасть имъ рисуются разные уроды разныхъ мѣщанскихъ сферъ.

Отъ абсолютнаго нечего дѣлать - все это читается. Д. В. Григоровичъ - надобно отдать ему справедливость - иногда забавно рассказываетъ.

Но ужъ нисколько не забавень эпизодъ изъ романа, который напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подь названіемъ «Два генерала». Положимъ, что онъ тутъ «по духу времени, и надобностямъ журнала» перемѣнилъ тактику, выставилъ хлыща отца, полагающаго всю жизнь въ достодолжномъ приѣмѣ какого то важнаго родственника, и, поучающаго родителя, дѣльнаго и умнаго сына - польстивши такимъ образомъ молодому поколѣнію - и съ другой стороны нигилистку съ прорванными чулками выставилъ - угодивши такимъ образомъ Русскому Вѣстнику - но все это ужасно вяло и скучно, невыносимо вяло и скучно...

Увы! Увы! Увы! *Sic transit gloria mundi.*

Аполлонъ Григорьевъ.
